

Гаранян Сергей
(дирижер)

20.05.06

4

ТВЕРСКАЯ.13

МОСКОВСКИЕ ЗНАМЕНИТОСТИ

Тверская, 13, - 2006 - 20 мая

У нас в гостях народный артист России Георгий ГАРАНЯН - живая легенда отечественной эстрады и джазовой музыки, виртуозный саксофонист, дирижер, композитор, художественный руководитель джаз-оркестра имени Лундстрема, художественный руководитель ансамбля «Мелодия», член Союза кинематографистов, академик премии «Ника», действительный член Академии российского искусства, лауреат Государственной премии и премии Москвы и прочая, и прочая, и прочая...

- Георгий Арамович! Прежде всего наш «фирменный» вопрос о вашем отношении к Москве. Вы ведь москвич?
- Да, коренной. Мы, сколько себя помню, жили на Маломосковской улице в районе Проспекта Мира. Это неподалеку от станции метро «Щербаковская» (ныне - «Александровская»), где, кстати, был открыт в свое время первый в Москве «Дом обуви».

- А как вы обнаружили в себе, что вы солист-импровизатор?
- Это было еще задолго до биг-бэнда Саульского, когда я организовал свой собственный, студенческий джаз-ансамбль «Восьмерка», в котором играли почти все будущие звезды нашего отечественного джаза, такие как Забубов, Бахолдин... Кстати сказать, наша «Восьмерка» включена в «Энциклопедию джаза». Так что мне стало очень рано совер-

кого, причем, каюсь, не один.
- То есть?
- Да так уж вышло, что при этом я увел туда с собой семерых самых лучших, первоклассных музыкантов из оркестра Лундстрема. Понятно, что Олег Леонидович за это на меня обиделся, но что было делать - жизнь есть жизнь, конкуренция есть конкуренция...
- И в чем же она заключалась?
- Все дело в том, что в отличие от оркестра Лундстрема оркестр Людвиковского всегда находился в Москве, в то время как лундстремовцев, бывало, месяцы играли почти все будущие звезды нашего отечественного джаза, такие как Забубов, Бахолдин... Кстати сказать, наша «Восьмерка» включена в «Энциклопедию джаза». Так что мне стало очень рано совер-

к этому моменту не сохранилось ни одной партитуры Джона Грея, в силу чего я симитировал звучание ансамбля в стилистике дискленда двадцатых годов. Самому Блантеру, кстати, наша образотка пришла очень по душе. Вообще мы с ним очень дружили, и я даже записал для него целую сольную пластинку с его песнями, включая легендарную «Катюшу». Но главным делом моей жизни был всегда, конечно, джаз. Я долгое время был абсолютно уверен в том, что студийная практика для музыканта - это высший вид музицирования. Но потом, когда в России в девяностых годах оркестры звукозаписи практически исчезли (по экономическим причинам), я начал чаще выступать с эстрадой, и признаюсь честно, даже полюбил эстраду.
- То есть?

началу было непривычно, но потом все наладилось.
- И каковы же ваши впечатления от Юрия Никулина?
- Если коротко - золотой был человек! Я, кстати, дружил с замечательным композитором Сашей Зацепиным, автором музыки ко всем гайдаевским комедиям с участием знаменитой тройки Вицина, Никулина и Моргунова, и часто по просьбе Саши записывал соло саксофона в самых ярких музыкальных эпизодах этих фильмов.
- Так, значит, это ваш саксофон звучит во время исполнения Никулиным культовой песни про зайцев в «Бриллиантовой руке»?
- Да, и не только, кстати в этой сцене. Можно также вспомнить и песню «Остров невезения» в виртуозном исполнении Андриуши Ми-

зять? Все перечисленные вами мастера имели одно качество - ведь композиторы-то они были настоящие! Недаром же один из моих дисков с ансамблем «Мелодия» называется «Проверено временем». Там мы играем музыку советских композиторов, которая пережила десятилетия и, я уверен, будет жить и дальше. А то, что творится сегодня на нашей эстраде... Я не пророк, но, думаю, вряд ли кто-то вспомнит всю эту дребедень уже через несколько лет. Но ведь музыкальная культура - это лучший барометр культурной атмосферы общества. Так что, как ни печально, но такое катастрофическое падение эстрадной культуры отражает собой падение культуры общества в целом. Поэтому, кстати, мы никак не можем влиться со своими грубыми

МЫ ИЗ ДЖАЗА!

- Так вы, видимо, жили в одном из тех домов сталинской постройки, которые определяют облик этого района?
- Нет, что вы, о таких апартаментах мы не могли тогда даже и мечтать! Там, где Маломосковская переходит в Сукованый переулок, стоял наш деревянный двухэтажный барак. И хотя там была все-таки не коммунальная система, а квартирная, наша семья ютилась в одной комнате трехкомнатной квартиры. Как говорится, в тесноте, да не в обиде.
- Стало быть, исходя из этого, ваши родители не относились к советско-партийной элите?
- В том-то и дело, что мой отец Арам Георгиевич был убежденным коммунистом, свято верившим в победу коммунизма во всем мире. И когда Моссовет выделил ему отдельную двухкомнатную квартиру, мой отец сказал: «А зачем нам две комнаты? Нам всего трое, хватит и одной».
- Жить в барачной коммуналке - все-таки не сахар. Надо было печь топить, дрова носить. А как же ваши музыкальные чувствительные пальцы?
- Ну, знаете, о моих музыкальных пальцах в тот период времени у нас в семье и речи даже не было.

шенно ясно, в чем состоит мое настоящее призвание.
- И тогда вы, очевидно, бросили свой институт, как это сделал однажды ваш сверстник, студент технического вуза Владимир Высоцкий, который в один прекрасный день порвал все свои чертежи и двинулся в актеры?
- Да нет, я чертежей не рвал, а чинно благородно защитил диплом и получил техническую специальность, как того и желали мои родители. Но, правда, я ни одного дня не работал инженером, а сразу же был зачислен музыкантом в «Москонцерт». А через полгода меня пригласил в свой прославленный биг-бэнд знаменитый «харбинец» Олег Лундстрем, заприметивший меня еще в ЦДРИ.
- И надо же было так случиться, что спустя многие годы вы после ухода Лундстрема становитесь руководителем оркестра его имени! Могли вы тогда представить себя в этой роли?
- Ну конечно же нет. Мне, честно говоря, всегда хотелось только одного - играть на саксофоне, вкладывая в это всю свою душу. Причем, что интересно, в классическом биг-бэнде, бывает только пять саксофонистов. А так как свободного места для меня тогда не было, то Олег Леонидович нарушил это правило, взяв меня шестым. Но я, правда, очень скоро переместился с шестого места на первое. С тех пор, как говорится, пошло-поехало, и в этом качестве проработал у Лундстрема восемь лет.

- Что, видимо, и стало для вас высшей профессиональной школой джаза?
- Да, лучше не скажешь. Дело в том, что в отличие от того же, скажем, джаз-оркестра Леонида Утесова, который лишь изредка играл джаз, биг-бэнд Лундстрема был классическим джазовым коллективом в полном смысле слова. И что, может быть, самое важное - зарубежным коллективом! Ведь практически вся жизнь этого оркестра до его приезда в СССР прошла в Шанхае, бывшем тогда известным интернациональным культурно-музыкальным центром мира. Так что когда я влился в дружные ряды лундстремовцев, я сразу же ощутил, что играю в оркестре международного класса. Ведь мы, живя в Союзе, мало-мало знали о новейших мировых тенденциях в джазовой музыке. А они там у себя в Шанхае могли спокойно покупать пластинки с записями оркестра Эллингтона и других корифеев джаза. Нам же приходилось ловить джаз на коротких волнах, пробиваясь сквозь габшнские глушилки и довольствоваться «джазом на костах», то есть самодельными пластинами из рентгеновских снимков...
- Но тем не менее однажды от Лундстрема вы ушли. Быть может, между вами вдруг возник конфликт?
- Нет, ничего подобного, мы с ним расстались очень мирно. Но я был тогда очень молод, честолюбив, амбициозен и прекрасно понимал, что никаких особых перспектив мне там не предвидится.
- То есть давали себя знать ваши лидерские наклонности?
- Видимо, да. Мне уже давно хотелось опять что-то создать самому по примеру «Восьмерки». Но пока что я направился в оркестр Всесоюзного радио под управлением Вадима Людвиков-

- Ну я, можно сказать, с сомнением относился к концертной деятельности. А теперь я считаю, что все как раз наоборот - именно живой, непосредственный контакт с аудиторией и есть высший вид исполнительской деятельности.
- А как вы сами пережили крах СССР?
- Не скрою, было тяжело. Но меня тогда в буквальном смысле слова спас никулинский Цирк на Цветном бульваре, куда Юрий Никулин взял меня в качестве главного дирижера циркового оркестра. Конечно, по-

ронова на палубе теплохода. А что касается ансамбля «Мелодия», то он с недавних пор благополучно воскрес для новой жизни, и я вновь взял в нем бразды правления в свои руки. Кстати, одной из самых популярных программ возрожденной группы является как раз подборка самых известных хитов Зацепина в моей аранжировке.
- Вы знаете, меня в этом смысле давно занимает один вопрос. А именно, откуда в нашей стране взялось такое количество блистательных композиторов-песенников? Так вот, откуда это все? И куда все это подевалось в нашем нынешнем жутковом мире, где эстрадная музыка примитивная, неоригинальная, зачастую носит ярко выраженный блатный характер?
- Ну что я тут могу ска-

и пошлыми поделками в мировую песенную культуру, поэтому нам, видимо, некогда не видеть первых мест на конкурсах типа «Евровидения». Куда уж дальше, если почти все наши эстрадные певцы, в том числе и начинающие, все чаще исполняют песни собственного сочинения? Отсюда и полное впечатлениеamorозности и самодельности (причем порой далеко не художественной). Беда вся в том, что нынче для успеха на нашей эстраде важно не то, как и что ты поешь, а то, как ты выглядишь, умеешь податся публике. Но это уже - шоу, балаган, то есть нечто, не имеющее никакого отношения к музыке...
- Значит, наверное, рано нам еще зачеркивать то хорошее, что было во времена СССР?
- Не только рано, но и глупо! Нельзя зачеркивать все прошлое! Ведь несмотря на все трудности и запреты, у нас тогда была ключом настоящая, до предела насыщенная творческая жизнь, а не так называемый шоу-бизнес.
- И, наконец, в чем секрет вашего оптимизма и молодой энергии? Такое впечатление, что время вас попросту не берет.
- В том, что я занимаюсь своим любимым делом.

Беседу вел Вячеслав ЧЕБОТАРЕВ